Принцип относительности

Вадим Геннадьевич Проскурин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Введите сюда краткую аннотацию

- Принцип относительности
  -

Принцип относительности

Первый выстрел звучит негромко и совсем не страшно. Словно где-то вдали невидимый отсюда пастух смачно хлестанул кнутом по земле, подгоняя отставшую от стада корову.

— К бою! — кричу я.

В этом приказе нет смысла — бойцы уже бегут к машине, не дожидаясь моей команды. Но ритуал есть ритуал.

Ревет стартер, из выхлопных труб в морозный воздух вырываются клубы пара. Я взбираюсь на башню, опираюсь на руки и протискиваю тело в командирский люк. Подношу бинокль к глазам и обвожу взглядом сектор обстрела. Ничего подозрительного. Небольшой участок снежной равнины, слева ограниченный опушкой леса, а справа — гребнем невысокого холма, сокращающим видимость метров примерно до восьмисот. Через гребень переваливает проселочная дорога, она уходит налево, скрывается из поля зрения, круто петляет и в конце концов выводит к воротам замка.

Сегодня второе января 1945 года. В километре сзади-слева на вершине невысокой, но крутой горы, невесть откуда взявшейся посреди плоской равнины, стоит венгерский замок с непроизносимым названием. Это наш опорный пункт. Впрочем, внутри стен сейчас находится только подполковник Летцледер со своим штабом. Потому что средневековые замки плохо приспособлены для современной войны.

Пехота занимает позиции на валах, мы стоим впереди основной линии обороны. Слева от нас, метрах в пятидесяти, в кустах прячутся два пулеметных расчета, еще дальше — противотанковая пушка, трофейная русская Ф-22, она же PaK 36(r). Задача у нас одна на всех — остановить русских, которые скоро пойдут по дороге, на которую я сейчас смотрю. Ну, или хотя бы задержать на время.

Надеваю наушники прямо поверх шапки. Оттуда немедленно доносится:

— Герр оберлейтенант, лейтенант Бауэр докладывает, танки во втором секторе, пять Т-34 с длинными пушками!

— Понял, — отвечаю я.

Снимаю наушники, прислушиваюсь. Сквозь тарахтение мотора пробиваются далекие хлесткие выстрелы, это ведет огонь «Пантера» Бауэра. Вскоре к ней присоединяется глухое тарахтение автоматической зенитки. Очевидно, ребята добивают спасающийся экипаж подбитого русского танка.

— Два русских танка уничтожены! — докладывает Ганс,

подтверждая мое предположение.

Машина мелко трясется, я чувствую это локтями, которыми опираюсь на башню. Мотор постепенно прогревается, вибрация становится слабее.

В левое ухо врывается грохот пулеметной очереди, затем к первому пулемету присоединяется второй. Вскидываю бинокль, осматриваю сектор — никакого движения, даже фонтанчиков от пуль не видно. Опускаю взгляд на карту, прикидываю, где может быть противник. Должно быть, вот в этой лощине, отсюда ее не видно, а пулеметчики, по идее, видеть должны. Снова смотрю в бинокль. Если я все правильно понимаю, русские должны нарисоваться примерно тут… Пожалуй, стоит снова наушники надеть.

Ага! Вот они, русские, как на ладони, и маскхалаты не скрывают их — слишком близко. Даю целеуказание наводчику, кричу:

— Осколочным заряжай!

Дожидаюсь доклада заряжающего и командую:

— Огонь!

Танк вздрагивает, грохот выстрела бьет по ушам, башня наполняется пороховыми газами.

— Недолет сто метров! — командую я. — Осколочным заряжай!

Мы выпускаем четыре снаряда, последний выстрел получается снайперским. Когда рассеивается маленькая снежная буря, поднятая взрывом, мое сердце замирает от счастья — снег густо окрашен кровью, три грязно-белые фигуры бегут прочь, в каждом их движении читается паника.

— Пулемет! — кричу я.

Длинная очередь срезает трусов, как спелые колосья. Всех уложили? Нет, не всех!

— Осколочным заряжай!

Еще четыре снаряда. А потом мир вздрагивает, я проваливаюсь в люк и приземляюсь на сиденье. Над головой что-то свистит, по броне бьют осколки и комья мерзлой земли. Я пригибаюсь, убираю голову из командирской башенки — она звенит и вибрирует, как колокол.

— Сто пятьдесят два миллиметра, — говорит Пауль.

Я киваю и снова вздрагиваю вместе с танком, на этот раз слабее — второй снаряд ложится дальше. Очевидно, русские еще не пристрелялись. Это исправимо, к сожалению.

Третий снаряд ложится совсем рядом. Уши закладывает, на броню обрушивается целый ливень снега, земли и металла, один осколок ударяет в командирскую башенку прямо напротив моей

головы, звонко рикошетит, правое ухо перестает слышать. Машина подпрыгивает и слегка накреняется. Попробуем управлять боем изнутри, через штатные приборы наблюдения. Черт возьми! Передний триплекс поврежден осколком, не видно почти ничего.

— Может, позицию сменим? — спрашивает Михель.

Обращение «герр оберлейтенант» он не употребляет, в бою все разговоры ведутся без чинов.

Я размышляю над вопросом всего пару секунд. Мой ответ лаконичен:

— Нет.

Окоп у нас, конечно, дрянной, но лучше такой, чем никакого. Если бы хватило времени и сил отрыть запасную позицию… Да и не спасет никакой окоп от прямого попадания пятидесяти килограммов металла и взрывчатки, при таком весе снаряда уже не очень важно, бронебойный он или нет. Особенно если ударит сверху, где броня совсем тонкая.

Нет, так координировать огонь решительно невозможно. Сколько ни напрягай зрение, видишь только дым, да еще снег и земляную пыль, поднятые взрывом. Я принимаю решение:

— Осколочным заряжай! Неприцельно огонь!

Пауль выпускает в белый свет четыре снаряда и подкрепляет впечатление длинной пулеметной очередью. Пусть русские думают, что мы что-то видим. Пусть боятся.

В какой-то момент я понимаю, что артобстрел прекратился, гаубичные «чемоданы» больше не падают. Открываю люк, высовываюсь, осматриваюсь. Снежная пыль оседает очень медленно, видимость все еще плохая. Хорошо, что сегодня пасмурно, на ярком свету снежная пыль слепит просто ужасно.

В оглушенную голову проникает какой-то непонятный шум. Неужели… Снимаю наушники, прислушиваюсь. Нет, вроде померещилось, тьфу-тьфу-тьфу.

Боковой бруствер окопа внезапно взрывается, на меня обрушивается снежная лавина. Я падаю на сиденье, снег продолжает сыпаться, я оглушен, глаза, нос и рот забиты, я кашляю и отплевываюсь. Мир начинает плыть, я не сразу понимаю, что поворачивается башня танка. Очевидно, Пауль принял командование.

Башня останавливается. Мои уши ничего не слышат, но я чувствую телом характерные вибрации — Ульрих загоняет в пушку снаряд. Выстрел!

К этому времени я успеваю выплюнуть почти весь снег, набившийся в рот. На зубах скрипит — снег густо перемешан с землей. Протираю глаза, промаргиваюсь и вижу искаженное в

беззвучном крике лицо Пауля. Его губы шевелятся, но я не понимаю, что он говорит. Перевожу взгляд на Ульриха, он только что выбросил стреляную гильзу, тянется за бронебойным снарядом и…

Открываю глаза, потягиваюсь, встаю с кресла. Легкая сегодня выдалась смерть.

В поле зрения вплывает Киса. Спрашиваю:

— Что это было?

— ИСУ-152, — отвечает Киса. — Прямое попадание бронебойным в корму. Твой наводчик промахнулся, русский успел сделать второй выстрел, вас разорвало.

— Покажи этот эпизод снаружи, — говорю я. — Или пока нельзя?

— Нет, — качает головой Киса, разрушая мою несмелую надежду. — Бой закончен. Гостей не было, все, кроме тебя — боты.

Я вижу, как огромный угловатый монстр, украшенный красными звездами, прет напролом через лес, ломая мелкие деревца. Как перед ним рвутся гаубичные снаряды, как один снаряд ложится с перелетом и осколки сметают с брони всякое мелкое барахло.

— Это было рискованно, — говорю я. — Мог застрять, могли собственным огнем повредить. К тому же, боевому уставу противоречит. И, вообще, зачем русские погнали на штурм замка тяжелые самоходы? Здесь бронетехника вообще не нужна была, одной пехотой управились бы с теми же потерями.

— Понятия не имею, — отвечает Киса. — Так в сценарии было.

Тем временем монстр резко останавливается, как вкопанный — очевидно, заметил противника. Повинуясь невысказанной команде, камера показывает нашу «Пантеру». Я вижу, как распахивается командирский люк, как из люка высовывается моя голова и как она обводит очумелым взглядом опушку, только что вспаханную русскими гаубицами. И как сдают нервы у наводчика русской самоходки, и он нажимает спуск.

— Мы должны были его убить, — говорю я.

Киса кивает и уточняет:

— С вероятностью восемьдесят шесть процентов. Это после того, как он промахнулся первым выстрелом.

— Покажи бой целиком, — приказываю я.

Киса показывает. Мда, все вполне предсказуемо, с такими-то силами… Сколько наши продержались? Тридцать три минуты? Очень неплохо. И то, что подкрепление не стало вступать в бой — правильное решение, все равно ничего нельзя было изменить.

— Сколько мы набили? — спрашиваю я.

Собираюсь уточнить, что имею в виду только свой личный счет, но Киса и так все правильно поняла.

— Пятеро убитых, трое раненых, — отвечает Киса. — Обычные стрелки. Один с ручным пулеметом.

— Негусто, — говорю я.

Впрочем, бывало и хуже. Полгода назад я командовал Pz-IV, мы шли колонной по такому же заснеженному полю, только не в Венгрии, а где-то на западных границах Германии, была ночь, не видно было не зги, мой танк шел вторым в колонне, я почти не волновался. Кто же знал, что наводчик американской самоходки попросту не разглядит первый танк в лунном свете? Семь минут скучной поездки, и вдруг по ногам бритвами хлещут осколки, я падаю на сиденье, и нижнюю половину тела охватывает огонь. Было очень больно.

А еще раньше был случай, я командовал ублюдочным плавучим «Шерманом» в день Д в Нормандии. На второй минуте боя немецкий снаряд разорвал в клочья надувной понтон, танк перевернулся и затонул. Никто из экипажа не смог выбраться, мы медленно умирали, задыхаясь в душном воздухе, постепенно лишающемся кислорода. Было не больно, но очень мучительно.

Меня начинает бить нервная дрожь, так почти всегда бывает после смерти в бою. Чтобы убрать ее, я делаю комплекс упражнений. Сальто вперед, сальто назад, стойка на руках, кувырок, серия ударов и растяжек.

— Загрузить программу рукопашного боя? — предлагает Киса.

Она всегда предлагает это в такие минуты. Я никогда не соглашаюсь, но она все равно предлагает, это стало у нас своего рода ритуалом. И у этого ритуала есть продолжение. Я усаживаюсь в кресло и говорю:

— Иди ко мне.

Киса не нуждается в дополнительных уточнениях. Она встает на колени и ее нежные губы начинают меня ласкать. Я выдерживаю недолго.

— Падай, — говорю я.

Мы падаем на ковер и сплетаемся в объятиях. Ее дыхание щекочет мою шею, моя рука ложится на ее грудь, я чувствую, как бьется ее сердце. Строго говоря, о Кисе надо говорить в мужском роде, она транс, но я мысленно считаю ее женщиной. Потому что от мужчины у нее только член, остальное тело — женское, и этого остального намного больше.

Я живу с Кисой очень долго, лет десять, наверное, а то и двадцать, давно сбился со счета. Из всех моих наложниц она

держится дольше всех. Правильно говорят, что с возрастом человек становится консервативным, разнообразие надоедает, а извращения приедаются. За свою жизнь я перепробовал в сексе почти всё, однажды даже пол поменял на несколько лет. Какое-то время колебался между трансами и детьми, но все же остановился на трансах, лучший из которых — Киса.

Мы занимаемся сексом. Это длится нескончаемо долго, мы меняем роли и позиции, наконец, я кончаю. Киса целует меня, я расслабленно глажу ее голову. Мир прекрасен.

Через какое-то время я спрашиваю:

— Пока я воевал, новости были?

Я ожидаю отрицательного ответа, как обычно, но Киса говорит:

— Пришло письмо, предлагают работу.

Я резко встаю, Киса не успевает отодвинуться и клацает зубами — я случайно ударил ее в подбородок. На ее личике появляется обиженное выражение.

— Почему сразу не сказала? — спрашиваю я и сразу понимаю, что этот упрек несправедлив.

Давным-давно я сам запретил ей сообщать мне о пришедшей почте. Все равно там нет ничего, кроме спама.

— Что за работа? — спрашиваю я.

— Тестинг реальности, — отвечает Киса.

Можно было и не спрашивать. Было бы странно, если бы мне предложили что-то другое. Другой работе надо учиться, а тестинг реальности может провести любой дурак. Неприятно, конечно, так о себе думать, но что делать, если это правда… Я ведь действительно ничего не умею.

— Сколько платят? — спрашиваю я.

Киса отвечает, я непроизвольно присвистываю. Сумма очень большая, это примерно плюс двадцать лет нормальной жизни в моей привычной реальности. Можно даже немного повысить качество жизни, второго секс-бота, например, завести, или игровое пространство немного расширить…

— Пойду, пожалуй, — говорю я. — Посмотрю, что за реальность.

— Удачи, — говорит Киса.

Я сажусь в кресло, расслабляюсь и закрываю глаза. Смена реальности неуловима. Я открываю глаза и оказываюсь… гм… в анабиозной капсуле. По крайней мере, эта штука выглядит как анабиозная капсула — проводки всякие, шланги, на лице маска с зондом для искусственного питания. Извращенная, надо сказать, фантазия у здешнего демиурга. Впрочем, кто бы говорил.

Проводки и трубочки оживают, датчики отклеиваются,

катетеры выдергиваются, я непроизвольно вспоминаю Кису. Последним выдергивается питательный зонд из ноздри, это очень щекотно, я громко чихаю. Медицинское оборудование прячется в полу и стенках, капсула перестает быть капсулой и превращается просто в комфортабельный гроб. Затем открывается крышка.

Я встаю и осматриваюсь. Большое темное помещение сплошь уставлено одинаковыми капсулами, это похоже на кладбище. Открыта только одна капсула — моя. Я встаю и чувствую, что тело затекло. Хорошая реальность, качественная, второстепенные детали отлично прорисованы. Выпрыгиваю на бетонный пол, замечаю, что на полу и на крышках капсул лежит толстый слой пыли. Делаю разминку. Мышцы наполняются кровью, сердцебиение учащается, появляется приятная усталость. Что-то быстро она появляется, демиург недоработал. Гравитация нормальная, плотность воздуха — тоже, а организм устает намного быстрее, чем должен. Надо потом сказать заказчику работы, чтобы исправил глюк.

В изголовье саркофага обнаруживаются трусы и сандалии. Одеваюсь и обуваюсь. Трусы щекотят чресла, подстраиваясь под нужный размер, я хихикаю. Сандалии вытягиваются вверх и превращаются в обтягивающие сапоги из тонкого материала, похожего на кожу. Хочу возмутиться, но неожиданно понимаю, что обувь вполне удобна, даже удобнее, чем сандалии. Пусть будет так.

Оглядываюсь. Над дальней стеной тускло горит знак «выход», иду туда, пробираясь между саркофагами. Оказываюсь в коридоре, вдали под потолком вижу еще один такой же знак, иду туда. Спускаюсь по лестнице, выхожу на крыльцо.

Вокруг расстилается тропический лес. Жарко и душно. Кричат какие-то птицы, а может, лягушки, хрен их разберет, кто они такие. От крыльца под сень деревьев уходит тропинка. Мелькает мысль: а может, эта реальность — хоррор, типа как парк мелового периода? Я на такое не подписывался! Мысленно тянусь к поисковой системе — все в порядке, связь есть. Отставляю в сторону руку, концентрируюсь, наблюдаю, как формируется файрбол. Швыряю его в ближайшее дерево, огонь сжирает пару веток и гаснет — слишком влажно. Нанотехнологии не заблокированы, это хорошо. Можно никого не бояться.

Я спускаюсь по ступеням и вхожу в лес. Следующие полчаса не происходит ничего интересного, я иду по тропинке, верчу головой, созерцаю разнообразные деревья и кусты. Ни одного зверя не видно, только мелкие птички порхают над головой. Странно, я думал, что в джунглях должно быть больше живности. А тут даже комаров нет, недоработка. Впрочем, это хорошая

недоработка, правильная, демиургу зачет.

Тропинка идет под уклон. Если география этой реальности близка к стандартной, впереди должна быть река или озеро. Или море.

Тропинка делает крутой поворот, я обхожу большой куст и сталкиваюсь нос к носу с медведем. Он стоит на задних лапах и настороженно принюхивается. Маленький медведь, неказистый, ростом мне по грудь, и почему-то черный, а не коричневый. И выражение лица у него дурацкое, губы вытянуты трубочкой, будто свистеть собрался. Медвежонок, наверное.

— Привет, медведь! — кричу я и вскидываю руки вверх.

Медведь падает на четыре лапы, разворачивается ко мне задом, вываливает немаленькую кучу и убегает в лес, ломая кусты и забавно подбрасывая зад при каждом скачке. Я хохочу.

— Пока, медведь! — кричу ему вслед.

Перепрыгиваю через дурно пахнущую кучу и иду дальше. Спуск становится круче, похоже, конец географии близок. Что там меня ждет?

Озеро. Или море. Скорее море, чем озеро — вон какие волны. Сейчас спущусь к воде и разберусь, пресная она или соленая. Кстати, пить уже хочется, а ни одного ручья я так и не увидел. Может, эта реальность — тест на выживание? Тогда почему природа такая дружелюбная и почему нанотехнологии не заблокированы? Может, стоит связаться с Кисой и запросить детали? Нет, так неинтересно.

Краем глаза замечаю какое-то шевеление. Оборачиваюсь и вижу, что с ветки ближайшего дерева свисает маленькая симпатичная змейка в черно-красную поперечную полоску.

— Привет, змея! — говорю я.

Змея не реагирует, она по-прежнему висит в той же позе и буравит меня немигающим взглядом.

— Хорошая змея, — говорю я.

Протягиваю руку и поглаживаю змею по голове. Точнее, собираюсь погладить — она уворачивается и кусает меня за средний палец. В пасти змеи всего два зуба, они очень длинные и острые, как иглы. Укус оказывается неожиданно болезненным.

— Плохая змея, — говорю я.

Хватаю ее двумя руками, ломаю позвоночник и говорю:

— Вот что бывает с плохими змеями.

Иду дальше.

Палец сильно болит. Очень сильно. И опухает. И у локтя начало покалывать и пощипывать. Это ненормально. Понятно, что змея ядовитая, но почему биоблокада не действует? Заблокирована? Нанотехнологии работают, а биоблокада

заблокирована? Бред! Демиургу незачет!

Минут через пять я понимаю, что ограничитель боли тоже не действует. Это уже совсем плохо! Сдохну сейчас окончательной смертью от болевого шока, кто отвечать будет? Демиург, сука, знаешь, где я тебя видел, тварь?!

Обращаюсь к сети, вызываю скорую помощь. Жалко тратить деньги, но выбирать не приходится, и так слишком долго тянул. Как же больно… Пятьдесят минут ждать?! Да я за это время сдохну или с ума сойду! Быстрее давайте, сволочи!!!

Сердце стучит как бешеное, кажется, оно вот-вот проломит ребра изнутри и улетит к чертовой матери. Я не могу больше идти, ложусь прямо на грязную землю, прижимаю больную руку к груди, баюкаю ее, как младенца, пытаюсь отключить боль самовнушением. Бесполезно. Начинаю кричать. Так чуть-чуть легче. Кричу. Потом начинаю кататься по земле. В какой-то момент понимаю, что земли подо мной больше нет. Падаю, ударяюсь головой, теряю сознание. Хорошо.

Прихожу в себя. Больно. Но уже можно терпеть. Биоблокада подействовала? А почему так долго? Демиурга поубивал бы!

Открываю глаза, пытаюсь сесть, опираюсь на укушенную руку, вскрикиваю, снова падаю на спину. Падать мягко — подо мной не каменистая земля, а матрас, тонкий, но мягкий. На меня падает чья-то тень. Поднимаю глаза и вижу женщину.

Немолодая, но симпатичная обнаженная блондинка с большой грудью. Лицо приятное и вроде умное. Очень красивая женщина, я бы вдул. Поменять, что ли ориентацию еще раз? Здоровье восстановится — пожалуй, поменяю.

— Ты кто? — спрашиваю я.

— Меня зовут Урсула, — отвечает она.

— Ты демиург?

Она смеется, ее смех звучит напряженно и неестественно. Она отрицательно качает головой.

— Ты бот? — спрашиваю я.

Она снова качает головой. Я удивленно приподнимаю брови.

— Эта реальность многопользовательская? Такая убогая реальность — многопользовательская? Погоди… Тебя тоже нанял демиург? Он что, миллионер?

Урсула глупо хихикает и ничего не отвечает. Я сажусь, опираясь на здоровую руку. Не больно. Набираю полную грудь воздуха и объясняю Урсуле, что я думаю о местном демиурге, что хочу с ним сделать, и в какой последовательности. На лице Урсулы появляется скучающее выражение. Я замолкаю. Она тоже молчит.

— Пить хочу, — говорю я.

— В палатке есть вода, — отвечает Урсула.

— А где палатка?

— Сзади.

Оборачиваюсь и вижу палатку. Совсем рядом, метрах в трех. Озираюсь по сторонам. Мы на пляже, пляж песчаный, песок имеет необычный красноватый оттенок. С одной стороны пляж заканчивается морем (это именно море, никакое не озеро, соленый морской запах ни с чем не перепутаешь), с другой стороны — почти отвесной скальной стеной. Кое-где в скале попадаются промоины, там растет чахлая трава. Самая ближняя промоина выглядит так, как будто по ней недавно проехало что-то тяжелое и угловатое. Похоже, это был я.

Осторожно встаю. Слегка пошатывает, но самочувствие в целом нормальное. Иду к палатке, встаю на четвереньки, чтобы пролезть внутрь, опираюсь на больную руку, вскрикиваю, валюсь на бок. Вижу перед самым лицом босую женскую ступню, к ней прилип песок и какая-то грязь. Потом в поле зрения появляется женская рука, держащая бутылку. Ногти коротко острижены и без маникюра, это некрасиво.

Открываю крышку, делаю глоток. Обычная вода. В других условиях я не стал бы ее пить, но сейчас она кажется вкуснее любого лимонада. Только теперь я понимаю, насколько сильна была жажда. Выпиваю всю бутылку до дна.

— Ну как там наш гость? — раздается откуда-то сверху мужской голос. — Очухался?

Поднимаю глаза. Надо мной стоит голый мужчина, маленький и тщедушный, азиатского типа. Не люблю азиатов, в моих реальностях их не бывает. Не то чтобы я их ненавидел, они мне чисто эстетически неприятны.

— Почти, — отвечает Урсула.

— Кто его так? — спрашивает мужчина.

— Аспид. Красно-черный.

Лицо мужчины становится очень удивленным. Он спрашивает:

— Как он умудрился?

Урсула пожимает плечами, ее большие груди красиво поднимаются и опускаются. Вернусь — надо будет Кисе такие же груди сделать. А может, вообще превратить ее в настоящую женщину?

— Отстой? — спрашивает мужчина.

— Похоже на то, — отвечает Урсула. — Но хотя бы гены хорошие.

— Гены у них у всех хорошие, — ворчит мужчина.

— Кто вы такие? — спрашиваю я. — Ты демиург?

Мои собеседники переглядываются.

— Отстой, — констатирует мужчина.

— Но попробовать надо, — говорит Урсула.

— Попробуй, — говорит мужчина и уходит прочь, к береговой кромке.

Наверное, искупаться решил.

Урсула вздыхает и садится на корточки. Очень соблазнительное зрелище. Точно пора ориентацию менять.

Урсула замечает, куда обращен мой взгляд, хихикает и меняет позу. Теперь она сидит на пятках.

— Я должна тебе кое-что сказать, — говорит она, и я понимаю, что ее речь будет долгой и скучной. — Ты мне вряд ли поверишь, но я все равно должна это сказать. Мы с тобой сейчас в истинной реальности.

Я скептически хмыкаю и саркастически восклицаю:

— Как же я сразу не догадался! Человечество порабощено матрицей, а ты и этот парень — типа повстанцы. Вы сражаетесь за справедливость, верно?

— Мы не повстанцы, — говорит Урсула. — Мы люди, только не совсем обычные. Мы успешные люди.

— Гении, — уточняю я.

— Да нет, не гении, — говорит Урсула. — Просто успешные люди. Мой коэффициент интеллекта — 133, у Ханя — 140. Нам незачем огораживаться в сотворенных реальностях, мы счастливы в настоящем мире.

Ее слова пробуждают в моей душе смутные воспоминания. Когда-то давно, когда я был юн и полон надежд, эти слова, кажется, что-то значили для меня. Но я не помню, что именно они значили, и не хочу вспоминать.

Волна дискомфорта поднимается со дна моей души, я чувствую, что сейчас узнаю что-то ужасное. Будет очень плохо. А я не хочу, чтобы было плохо, мне и так уже плохо от этой змеи ненормальной!

— Вспомни, — продолжает Урсула. — Единый психологический тест, ты сдавал его восемьдесят лет назад. Твои результаты трудно назвать блестящими, но ты вошел в верхнюю квартиль…

— Замолчи! — обрываю я ее. — Не хочу тебя слушать! Ты врешь! Если я все эти годы жил в матрице, где мой разъем для подключения?

— На затылке, — спокойно отвечает Урсула. — И еще два дополнительных на висках.

Некоторое время ощупываю собственную голову.

— Нет тут никаких разъемов, — говорю я. — Только волосы

почему-то не растут.

— А ты чего ожидал? — спрашивает Урсула. — Торчащих железок? Мы с тобой не в двадцать втором веке живем.

— Все равно я тебе не верю, — говорю я. — Все реальности равнозначны, это каждый подтвердит, принцип относительности это называется. Правда в глазах смотрящего, поняла?

Урсула вздыхает и говорит:

— Как же меня достал этот мем…

Я встаю и отряхиваю песок с тела. Снимаю трусы, выворачиваю наизнанку и вытряхиваю песок изнутри.

— Пойду дальше реальность тестить, — говорю я. — Спасибо, что спасла меня от шока. Я тебе сколько-нибудь должен за спасение?

— Нисколько, — качает головой Урсула. — И не нужно никуда идти. Твоя работа закончена и оплачена, проверь счет.

Я проверяю счет, пристально смотрю в большие серые глаза Урсулы и натянуто смеюсь.

— А ты забавный демиург, — говорю я. — Отмороженная на всю голову.

— Я не демиург, — говорит Урсула. — Впрочем… А почему бы и нет? Раз ты не веришь в правду, давай будем рассуждать в твоей системе понятий.

— Давай, — соглашаюсь я. — Твоя реальность сделана в целом неплохо, но напрашиваются некоторые улучшения.

Урсула останавливает меня жестом руки.

— Не будем об этом, — говорит она. — Твоя работа принята, деньги выплачены, хватит об этом говорить. У меня к тебе другое предложение. Я хочу тебе предложить… гм… протестировать еще одну реальность. Полет к Альфе Центавра, колонизация второй планеты этой системы, ты будешь младшим менеджером в колониальной администрации. Реальность стратегического типа с глубоким погружением, время полуреальное, провалы субъективного времени эмулируются через анабиоз.

— Не люблю стратегии, — говорю я. — Там думать надо.

— Ты будешь младшим в команде, — говорит Урсула. — Как в твоих любимых танчиках, только ты будешь не убивать, а созидать. Строить будущее человечества в новом мире.

— Какие свойства у этого мира? — спрашиваю я. — Каково время миссии? Порядок оплаты тестинга?

— Свойства мира лежат в сети в открытом доступе, — говорит Урсула. — Запроси в поисковой системе «Альфа Центавра», самая первая ссылка — то, что тебе нужно.

Я обращаюсь к поисковой системе и несколько минут считываю информацию.

— Оригинально, — говорю я. — Реализация, конечно, кривая, но оригинальная. Только время миссии получается немеряное.

— Да, миссия будет долгая, — соглашается Урсула. — Один только полет займет двенадцать тысяч лет. Но ты проведешь это время в анабиозе. А условия оплаты такие же, как сейчас.

— Время в анабиозе считается? — спрашиваю я.

Это шутка, но Урсула ее не поддерживает.

— Да как тебе угодно, — говорит она. — В этой миссии деньги не имеют значения. Зато ты сможешь взять с собой свою любимую реальность, даже расширить ее… ну, где-то раза в два, вычислительные мощности корабля все же ограничены.

Я настораживаюсь.

— Тогда в чем подстава? — спрашиваю я. — Такие завлекательные миссии бывают только у нелегальных садистов. Ты чего-то не договариваешь, лучше сразу признавайся, а то я весь договор прочитаю от начала до конца, и по внешним ссылкам пройти не поленюсь.

Это блеф, но Урсула на него ловится.

— Я не садистка, — говорит она. — Проверь мой психопрофиль, я его не скрываю. Нет никакой подставы, ты в этой миссии вообще, скорее всего, не заметишь, что твоя жизнь изменилась. Всемирная поисковая система будет недоступна, но мы возьмем локальную копию, с твоими знаниями ты разницу точно не обнаружишь. Досрочное прерывание миссии невозможно, но оно тебе и не нужно. Какая разница, в какой виртуальности жить? Ограничители боли работать не будут, мускульный форсаж — тоже, мир-то реальный, но если экзотических змей руками не хватать — ничего страшного. Да, кстати, одну вещь чуть не забыла! Каждому участнику миссии полагается бесплатное бессмертие с неограниченным числом обновлений резервной копии.

Я безразлично пожимаю плечами.

— На кой черт мне бессмертие? Я еще лет пятьдесят протяну, вряд ли больше. Первая депрессия уже была в прошлом году.

— Полетишь с нами — протянешь дольше, — говорит Урсула. — Поверь мне. Сам подумай, что ты теряешь? Не хочешь верить в реальность — не надо. Огородись в своем уютном мирке, какая тебе разница, что снаружи? А потом, чем черт не шутит, может, тебе понравится реальная жизнь?

— Нет никакой реальной жизни! — резко говорю я. — Все реальности равноправны, принцип относительности, правда в глазах смотрящего, и все дела. И нечего мне мозги трахать всякой ересью!

— Извини, — говорит Урсула. — Так как, ты согласен?

— Подумаю, — говорю я. — Скинь мне полный текст договора и аванс, скажем… — я называю сумму. — И… как отсюда выйти?

Урсула неожиданно смеется.

— Выйти можно только ножками, — говорит она. — Возвращаешься в матричный блок, находишь свою капсулу, ложишься, подключаешься к своей реальности. Только так.

— Извращенцы вы все, — говорю я.

— Какие есть, — смеется Урсула.

— Может, перепихнемся? — спрашиваю я.

Урсула отказывается. Я решаю пойти ва-банк. В прошлый раз она легко поддалась на блеф, может, и теперь…

— Тогда сделка не состоится, — говорю я.

Урсула хмурится. Некоторое время размышляет, затем говорит:

— Могу тебе тело сбросить, полный образ, со всеми текстурами. Но душу не дам, даже не проси. И Ханю не говори, что я тебе тело подарила, он ругаться будет.

— Договорились, — улыбаюсь я. — Я пошел.

— Скатертью дорожка, — говорит Урсула, отворачивается и уходит.

Я взбираюсь по крутому склону. Наверху останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. Оборачиваюсь и вижу, что Урсула и Хань стоят у самой кромки воды и что-то оживленно обсуждают. Хань сильно ниже Урсулы, он может поцеловать ее в сосок, не нагибаясь. Если она ему даст.

Обратный путь дается тяжелее — приходится подниматься вверх по склону. Когда я взбираюсь на крыльцо, дыхание снова сбивается, второй раз за день. Такого со мной не бывало даже в Польше в 1939 году, когда мы ухитрились угодить в окружение в том городишке, не помню, как он назывался… Эти славянские названия так трудно запомнить, а произнести вообще невозможно… Как я тогда бежал… Все-таки неправильная здесь реальность, нельзя делать тела такими немощными, сам себе противен становишься.

Нахожу свою капсулу, раздеваюсь, забираюсь внутрь. Металлические контакты неприятно холодят маленькие лысины на затылке и висках. Надо же такое придумать — контакты, матрица… Извращенцы, тьфу на вас на всех!

Крышка капсулы закрывается, освещение гаснет, я чувствую, как многочисленные датчики облепляют тело. Жду, когда начнут втыкаться катетеры, но реальность переключается раньше. Хоть на это местному демиургу хватило ума.

Встаю с кресла, потягиваюсь. Киса вопросительно смотрит на

меня, я обращаюсь к сети, вызываю образ Урсулы, сравниваю. Некоторое время думаю, затем принимаю решение.

— Меняй тело, — приказываю я. — Вот ссылка. Отныне тебя зовут Урсула.

— Характер тоже менять? — спрашивает Киса.

— Меняй, — говорю я. — Информацию возьмешь из психопрофиля, он у этой телки в открытом доступе. Но блок подчинения не трогай.

— Информация неполная, — печально говорит Киса. — Дополнить по умолчанию?

— Дополняй.

Киса превращается в Урсулу, это происходит мгновенно, без каких-либо промежуточных стадий. Она оглядывает комнату и говорит:

— Бедненько, но чистенько. Я думала, хуже будет.

Мне не нравится ее ехидная интонация.

— Любовь и обожание верни, как у Кисы было, — говорю я.

— Сделано, — говорит Урсула и встает на колени.

Мы занимаемся любовью, долго и исступленно. А потом я засыпаю в объятиях Урсулы.

Когда я просыпаюсь, оказывается, что я лежу между Урсулой и Кисой, а поодаль сладко посапывают две девчонки-малолетки из старых, почти забытых фантазий. И как только вычислительной мощности хватило на такую групповуху… Ах да, Урсула вчера обещала апгрейд, не эта Урсула, а другая, настоящая.

При слове «настоящая» сердце сжимает невидимая рука. Я чувствую, как столетняя тоска начинает свой очередной набег на задворки подсознания… Неужели вторая депрессия подступает? Не дождетесь! Я уже научился с этим бороться!

— Киса! — зову я.

Киса мгновенно просыпается, сразу видно, что она бот, а не живой человек. Но какое мне дело, бот она или нет? Разбередила мне душу та Урсула, вчерашняя, засорила мозг всякими глупостями. Истинная реальность, Альфа Центавра, успешные люди… тьфу! Нет никакой реальности, кроме той, что в глазах смотрящего! Принцип относительности, мать вашу! И пошли вы все путем по умолчанию, я вас сами знаете на чем вертел!

— Новая миссия! — приказываю я. — Следующая в хронологическом порядке.

— Третье января 1945 года, — объявляет Киса. — США против Германии. Ты будешь командовать «Шерманом», новой модификации, с длинной пушкой. Будет переправа через реку на барже, затем штурм укрепленной позиции. Время миссии — один

час двадцать минут.

— Годится, — говорю я. — Загружай.

— Может, сначала позавтракаешь? — предлагает Урсула, она, оказывается, тоже проснулась.

— Отвали, — говорю я. — Хотя… Киса, можно подправить миссию, чтобы я смог позавтракать прямо внутри?

— Только сухим пайком, — отвечает Киса.

— Годится, — говорю я и сажусь в кресло.

Маленький немецкий городок или, скорее, большое село. Одноэтажные домики с заснеженными черепичными крышами, аккуратные, будто игрушечные, нигде не видно никаких повреждений или разрушений. Но это ненадолго, артиллерия заработает — будут вам повреждения. Моторы оглушают, сколько тут наших танков действует одновременно? Шестьдесят? И еще столько же на другом фланге? И пехоты пропорционально? Эх, знатное дело будет! Берегись, тоска, к тебе идет адреналин! И нечего засорять душу всякой ерундой. Принцип относительности торжествует! Жизнь прекрасна!

Мы сворачиваем в боковой переулок и съезжаем с асфальта.

— Пушку назад! — командую я.

Сносим хлипкий деревянный забор, останавливаемся, разворачиваем башню в нормальное положение. «Шерман» стоит посреди заснеженного огорода, дальнего забора нет, огород вплотную примыкает к реке. Река не очень широкая, но явно глубокая, вброд не переправишься, баржа нужна. За рекой деревенька, на вид победнее, там наверняка во всех домах немцы засели… А это еще что такое? Какой дурак так минометы расставляет?!

— Миномет на два часа! — командуя я. — Два пальца правее церквушки. Джордж, видишь, дымок рассеивается?

— Цель вижу, — докладывает Джордж.

— Осколочным заряжай! — командую я.

В крови бушует адреналин, тоска отступила, так и не успев серьезно растравить душу. Вот и хорошо. Жизнь прекрасна, незачем прислушиваться к всяким уродам, не верящим в принцип относительности. Даже если они не уроды. Кто бы они ни были, жизнь все равно прекрасна. Принцип относительности торжествует.